
Талия Гейл
То,
что
открывается
позже

Талия Гейл

То, что открывается позже

«Автор»
2026

Гейл Т.

То, что открывается позже / Т. Гейл — «Автор», 2026

Моё творчество — это тихие, очень личные истории о моментах, когда земная логика отступает. Сюжеты, которые люди осознают не в секунду происшествия, а спустя время. Опыт, которым не с каждым поделишься, ведь реакция окружающих бывает так непонятнаЯ приглашаю вас пройтись по страницам моих наблюдений и размышлений. Возможно, в ком-то из героев вы узнаете себя, а в чьём-то откровении или семейной тайне найдёте ответ на собственный давний вопрос.

© Гейл Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Посиделки у Вали. А вокруг стекло 5
Глава 2 9
Посиделки у Вали. Это его будущее 9
Глава 3 12
Посиделки у Вали. Фарт пошёл 12
Глава 4 14
Посиделки у Вали. Мистика развода 14
Глава 5 17
Иди спи 17
Глава 6 20
Любви достойны блондинки 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Талия Гейл
То, что открывается позже

Глава 1

Посиделки у Вали. А вокруг стекло

До миллениума оставалось ещё лет восемь. СССР уже распался, но осознание этого ещё не пришло — люди жили по инерции, нащупывая новую реальность. Шёл март. В южной республике весна вовсю брала своё: днём пригревало ласковое солнце, набухали почки, воздух пах влажной землёй и молодой травой, и народ потихоньку перебирался в лёгкие куртки и плащи. Но вечерами всё ещё тянуло прохладой, и девчонки любили собираться у Вали в однокомнатной квартире — на большой застеклённой лоджии, где стоял старый обогреватель и всегда пахло выпечкой. Это было уютное, почти салонное место. Там знакомились, сплетничали, пили горячий чай со сладостями, которых всегда было вдоволь, потому что никто не приходил с пустыми руками.

Да и Валя классно гадала. Очередной расклад слушали всей компанией, затаив дыхание, а потом бурно обсуждали: делились, у кого что сбылось и как на самом деле повернулись события. В один из таких вечеров разложила Валя карты и посмотрела на Нину:

— Вижу поезд, и вокруг стекло.

— Это авария?! — испуганно спросила Нина.

— Нет, просто вокруг стекло. Девчонки зашумели наперебой:

— Валя, а как ты вообще в картах поезд увидела?

— Нин, а ты не говорила, что куда-то собралась!

— Действительно, даже в планах нет, — пожала плечами Нина.

— Да если и соберёшься поехать, билеты сразу не взять — надо заранее, месяца за два.

***

Но судьба распорядилась иначе уже через неделю. Сначала Нина случайно столкнулась на улице с подругой Лерой — та разругалась с матерью, ушла из дома и искала угол. Нина без лишних раздумий отдала ей ключи от пустующей бабушкиной квартиры. А спустя несколько дней Лера позвонила сама:

— Нинка, бросай всё, рванём на этой неделе в Москву!

— Да у меня и денег нет, и дел там никаких, — начала было Нина, но в голове тут же всплыл Валин расклад: «Вижу поезд...»

— На что поедем-то? И где билеты возьмём?

— У меня папик появился, в твоей квартире встречаемся! Десять тысяч баксов подарил — гуляем! Я всё оплачу: и билеты в оба конца, и на жизнь в Москве тебе дам. Бери паспорт, дуй на вокзал, я там тебя жду.

На вокзале у касс стояла привычная для тех лет безнадёжная очередь, но девчонкам повезло: к ним подошли двое скучающих офицеров. За небольшую доплату они пообещали снять военную бронь на завтрашний московский поезд. Нина только ахнула: дорожка явно вилась сама. Выбора особого не было — офицеры достали плацкарт, но в те дни люди готовы были ехать хоть на подножке, лишь бы доехать куда надо.

На следующий день девушки уже устраивались на своих местах. Уезжали они из тёплой южной весны, но в Москве в марте ещё лежали сугробы по колено, поэтому пришлось тащить с

собой сумку с зимними пальто и сапогами. Нина с усилием подняла тяжёлую крышку нижней полки и поставила сумку в багажное отделение.

Поезд тронулся — впереди были двое суток пути на север. За окном постепенно менялся мир: сначала мелькала зелёная дымка степей, потом потянулась серая распутица с голыми чёрными перелесками, а ближе к центру России пейзаж и вовсе побелел, затянулся настоящим снегом и свинцовым небом.

В самом вагоне жизнь гудела как на ярмарке. По проходу непрерывно сновали коробейники, продавая то, чем с ними вместо зарплаты расплачивались предприятия: кто отрезы ситца, кто копчёную колбасу, кто огромных плюшевых медведей. Тётки с верхних полок азартно торговались, мужики в спортивных костюмах резались в карты и дымили в тамбуре.

С первого дня пути на Нину положил глаз видный мужчина с этого же вагона. По всему было видно — из тех вчерашних работяг, на кого внезапно свалились шальные деньги: едет в плацкарте просто потому, что купе не достать, а куражу в нём на целый ресторан. Он не сводил с Нины восхищённого взгляда, пытался заговорить, а когда мимо потянулись торговцы с хрусталём, вдруг оживился.

— Эй, земляк, давай сюда! — окликнул он мужика с коробками.

Мужчина купил тяжёлую резную вазу и молча поставил её на столик перед Ниной. Прошёл ещё час, появился новый продавец — и на столе выросла вторая ваза, потом третья. Скоро места на узком столике не осталось совсем: варёные яйца и курица в фольге оказались зажаты в углу, а хрусталь уже перекочевал на пол под ноги. Вазы переливались в тусклом свете вагонных окон и тихо, мелодично звенели в такт стуку колёс.

Весь плацкартный отсек свернул шеи. Соседи с соседних полок перестали жевать и таращились на их столик с открытыми ртами, как на киноэкран. Лера давилась смехом, пихая Нину локтем в бок, а сама Нина смотрела на эту сверкающую гору и вдруг замерла: «Так вот оно что... Поезд, и вокруг стекло!»

В тесном плацкарте, где на каждом сантиметре сидели любопытные попутчики, уединиться было негде, да и Нина не спешила. Когда мужчина в очередной раз заглянул в их отсек, чтобы пристроить на тесном столике новую вазу, она перехватила его взгляд и вполголоса, чтобы не слышали соседи, сказала:

— Вы мне очень симпатичны, и вазы эти чудесные, но здесь же не поговоришь толком наедине. Давайте в Москве встретимся? Мужчина замялся, отвёл глаза — то ли женатый, то ли командировочный, у которого всё время расписано по минутам, — и разговор сам собой сошёл на нет.

Перед самым перроном, уже натянув зимнее пальто и сапоги, Нина оглядела хрустальное великолепие у своих ног.

— Спасибо вам за прекрасную дорогу и за такое внимание, — улыбнулась она. — Можно я вот эти две возьму себе на память?

— Забирай все! — махнул он рукой с прежним куражом.

Вышли на перрон в столице - мороз щиплет щёки, снег под сапогами хрустит, а у девушек в руках по сверкающей хрустальной вазе. В шесть утра, заиндевевшие с мороза, они ввалились в квартиру к Лериной тётке — и с порога выяснилось, что у той сегодня день рождения. Одна ваза тут же сгодилась на царский подарок.

Переночевав, Нина собралась уезжать к своей московской знакомой, которая, узнав о её приезде, с радостью пригласила погостить. На прощание рыжая Лера, щедрая на волне счастья от внезапного богатства, отсчитала Нине пачку купюр — на жизнь в столице и на обратный билет. Девушки обнялись, и Нина поехала на другой конец города, прижимая к себе вторую хрустальную вазу.

****

На лоджию в квартире Вали Нина вернулась только спустя два с лишним месяца, когда на дворе уже стояло настоящее лето. В самой Москве она пробыла недолго, но дела, закрутившиеся после той поездки, так её захватили, что до девчат она добралась только сейчас.

Вечером она снова сидела за столом, с удовольствием ловя восхищённые взгляды подруг, и допивала остывший чай.

— Ну надо же, — качала головой Валя, вертя в руках колоду.

— Никогда бы не подумала, что «вокругДо миллениума оставалось ещё лет восемь. СССР уже распался, но осознание этого ещё не пришло — люди жили по инерции, нащупывая новую реальность.Шёл март. В южной республике весна вовсю брала своё: днём пригревало ласковое солнце, набухали почки, воздух пах влажной землёй и молодой травой, и народ потихоньку перебирался в лёгкие куртки и плащи. Но вечерами всё ещё тянуло прохладой, и девчонки любили собираться у Вали в однокомнатной квартире — на большой застеклённой лоджии, где стоял старый обогреватель и всегда пахло выпечкой. Это было уютное, почти салонное место. Там знакомились, сплетничали, пили горячий чай со сладостями, которых всегда было вдоволь, потому что никто не приходил с пустыми руками.

Да и Валя классно гадала. Очередной расклад слушали всей компанией, затаив дыхание, а потом бурно обсуждали: делились, у кого что сбылось и как на самом деле повернулись события.В один из таких вечеров разложила Валя карты и посмотрела на Нину:— Вижу поезд, и вокруг стекло.— Это авария?! — испуганно спросила Нина.— Нет, просто вокруг стекло.Девчонки зашумели наперебой:— Валя, а как ты вообще в картах поезд увидела?— Нин, а ты не говорила, что куда-то собралась!— Действительно, даже в планах нет, — пожала плечами Нина.— Да если и соберёшься поехать, билеты сразу не взять — надо заранее, месяца за два.

Но судьба распорядилась иначе уже через неделю. Сначала Нина случайно столкнулась на улице с подругой Лерой — та разругалась с матерью, ушла из дома и искала угол. Нина без лишних раздумий отдала ей ключи от пустующей бабушкиной квартиры. А спустя несколько дней Лера позвонила сама:— Нинка, бросай всё, рванём на этой неделе в Москву!— Да у меня и денег нет, и дел там никаких, — начала было Нина, но в голове тут же всплыл Валин расклад: «Вижу поезд...» — На что поедем-то? И где билеты возьмём?— У меня папик появился, в твоей квартире встречаемся! Десять тысяч баксов подарил — гуляем! Я всё оплачу: и билеты в оба конца, и на жизнь в Москве тебе дам. Бери паспорт, дуй на вокзал, я там тебя жду.

На вокзале у касс стояла привычная для тех лет безнадёжная очередь, но девчонкам повезло: к ним подошли двое скучающих офицеров. За небольшую доплату они пообещали снять военную бронь на завтрашний московский поезд. Нина только ахнула: дорожка явно вилась сама. Выбора особого не было — офицеры достали плацкарт, но в те дни люди готовы были ехать хоть на подножке, лишь бы доехать куда надо.

На следующий день девушки уже устраивались на своих местах. Уезжали они из тёплой южной весны, но в Москве в марте ещё лежали сугробы по колено, поэтому пришлось тащить с собой сумку с зимними пальто и сапогами. Нина с усилием подняла тяжёлую крышку нижней полки и поставила сумку в багажное отделение.

Поезд тронулся — впереди были двое суток пути на север. За окном постепенно менялся мир: сначала мелькала зелёная дымка степей, потом потянулась серая распутица с голыми чёрными перелесками, а ближе к центру России пейзаж и вовсе побелел, затянулся настоящим снегом и свинцовым небом.

В самом вагоне жизнь гудела как на ярмарке. По проходу непрерывно сновали коробейники, продавая то, чем с ними вместо зарплаты расплачивались предприятия: кто отрезы ситца, кто копчёную колбасу, кто огромных плюшевых медведей. Тётки с верхних полок азартно торговались, мужики в спортивных костюмах резались в карты и дымили в тамбуре.

С первого дня пути на Нину положил глаз видный мужчина с этого же вагона. По всему было видно — из тех вчерашних работяг, на кого внезапно свалились шальные деньги: едет

в плацкарте просто потому, что купе не достать, а куражу в нём на целый ресторан. Он не сводил с Нины восхищённого взгляда, пытался заговорить, а когда мимо потянулись торговцы с хрусталём, вдруг оживился.— Эй, земляк, давай сюда! — окликнул он мужика с коробками.

Мужчина купил тяжёлую резную вазу и молча поставил её на столик перед Ниной. Прошёл ещё час, появился новый продавец — и на столе выросла вторая ваза, потом третья. Скоро места на узком столике не осталось совсем: варёные яйца и курица в фольге оказались зажаты в углу, а хрусталь уже перекочевал на пол под ноги. Вазы переливались в тусклом свете вагонных окон и тихо, мелодично звенели в такт стуку колёс.

Весь плацкартный отсек свернул шеи. Соседи с соседних полок перестали жевать и таращились на их столик с открытыми ртами, как на киноэкран. Лера давилась смехом, пихая Нину локтем в бок, а сама Нина смотрела на эту сверкающую гору и вдруг замерла: «Так вот оно что... Поезд, и вокруг стекло!»В тесном плацкарте, где на каждом сантиметре сидели любопытные попутчики, уединиться было негде, да и Нина не спешила. Когда мужчина в очередной раз заглянул в их отсек, чтобы пристроить на тесном столике новую вазу, она перехватила его взгляд и вполголоса, чтобы не слышали соседи, сказала:— Вы мне очень симпатичны, и вазы эти чудесные, но здесь же не поговоришь толком наедине. Давайте в Москве встретимся?Мужчина замялся, отвёл глаза — то ли женатый, то ли командировочный, у которого всё время расписано по минутам, — и разговор сам собой сошёл на нет.

Перед самым перроном, уже натянув зимнее пальто и сапоги, Нина оглядела хрустальное великолепие у своих ног.— Спасибо вам за прекрасную дорогу и за такое внимание, — улыбнулась она. — Можно я вот эти две возьму себе на память?— Забирай все! — махнул он рукой с прежним куражом.

Вышли на перрон в столице — мороз щиплет щёки, снег под сапогами хрустит, а у девушек в руках по сверкающей хрустальной вазе. В шесть утра, заиндевевшие с мороза, они ввалились в квартиру к Лериной тётке — и с порога выяснилось, что у той сегодня день рождения. Одна ваза тут же сгодилась на царский подарок. Переночевав, Нина собралась уезжать к своей московской знакомой, которая, узнав о её приезде, с радостью пригласила погостить. На прощание рыжая Лера, щедрая на волне счастья от внезапного богатства, отсчитала Нине пачку купюр — на жизнь в столице и на обратный билет. Девушки обнялись, и Нина поехала на другой конец города, прижимая к себе вторую хрустальную вазу.

На лоджию в квартире Вали Нина вернулась только спустя два с лишним месяца, когда на дворе уже стояло настоящее лето. В самой Москве она пробыла недолго, но дела, закрутившиеся после той поездки, так её захватили, что до девчат она добралась только сейчас. Вечером она снова сидела за столом, с удовольствием ловя восхищённые взгляды подруг, и допивала остывший чай.— Ну надо же, — качала головой Валя, вертя в руках колоду. — Никогда бы не подумала, что «вокруг стекло» — это хрустальные вазы в плацкарте!— А дальше-то что было? — не унимались девчонки. — Зачем тебя в Москву вообще позвали? К кому вы ездили?Нина хитро улыбнулась и подвинула к себе тарелку с печеньем:— Ой, девочки, там такое началось, что за один вечер не расскажешь. Давайте лучше Валя мне снова карты раскинет, проверим, куда меня в этот раз занесёт. стекло» — это хрустальные вазы в плацкарте! — А дальше-то что было? — не унимались девчонки.

— Зачем тебя в Москву вообще позвали? К кому вы ездили? Нина хитро улыбнулась и подвинула к себе тарелку с печеньем:

— Ой, девочки, там такое началось, что за один вечер не расскажешь. Давайте лучше Валя мне снова карты раскинет, проверим, куда меня в этот раз занесёт.

Глава 2

Посиделки у Вали. Это его будущее

Нина с хрустальной вазой ехала по Москве к своей землячке. Ей было так радостно от самой возможности увидеть столицу, что казалось: Москва сама встречает её и кружится вокруг, показывая, какая она красивая. Нина не замечала ни мусора на тротуарах, ни чёрных, залёжанных сугробов на обочинах, ни угрюмых прохожих в меховых шапках, зябко кутавшихся в воротники, ни резких окликов на остановках — всей той серой картины распадающейся страны. У неё шёл свой, тихий и счастливый внутренний диалог с городом.

Сколько же было радости при встрече с Ритой! Та перебралась в столицу года три назад, снимала однокомнатную квартиру, где жила вместе со своим мужчиной и двумя детьми. Но в этой тесной, дружной компании для Нины сразу нашлось место — на кухне, на узком диванчике.

На следующий день позвонил муж Нины — Гена. От общих знакомых он уже прознал, что жена в Москве. Они разбежались больше года назад, и Гена давно жил с новой подружкой в её квартире, но официально брак так и не расторгли. Он попросил о встрече в старой чебуречной недалеко от Сухаревской.

В забегаловке пахло жареным тестом, и дешёвым кофе из титана. Гена сидел за высоким столиком у окна. Нина сразу узнала на нём потёртую тёмно-синюю болоньевую куртку на меху — ту самую, в которой он когда-то ездил зимой в горы. Под ней виднелся растянутый серый свитер, на ногах — сбитые ботинки. Лицо у него осунулось, под глазами залегли тени, взгляд то и дело бегал по сторонам: то ли и правда перебивался случайными заработками, то ли специально прибеднялся перед женой.

Сначала он лениво расспрашивал о родном городе, об общих знакомых, но по всему было видно — есть что-то главное, на что он никак не решается. Наконец Гена отодвинул пустой стакан и выпалил: — Ты же знаешь, я не могу вернуться домой — у меня там большие проблемы. Прошу тебя, давай оформим у нотариуса документы, чтобы подать на развод без моего личного присутствия на родине. Я тебе дам денег на все расходы. — Да ты что?! — возмутилась Нина. — Как только я с тобой разведусь, все твои проблемы мгновенно станут моими! Твои недруги только и ждут, что ты к семье вернёшься — я с дочкой для них как в залоге. — Нина, помоги, по-человечески прошу! Я здесь женщину нашёл, она готова со мной расписаться и прописать в Москве. Понимаешь, я же никто здесь без прописки, не могу на нормальную работу устроиться — одни мелкие шабашки, ни к врачу сходить. — Нет. И не звони Рите больше, я всё равно не подойду к телефону. Нина резко встала, положила на стойку деньги за свой кофе и вышла на улицу.

Она шла по Москве, разглядывая величественные старинные здания, заснеженные скверы, нахохлившихся голубей, и в душе у неё царило странное умиротворение. Ни плохих, ни хороших мыслей не было — только чистое наслаждение городом, в котором она оказалась всего второй раз в жизни. Она перебирала в памяти знакомые с детства названия, думая, куда бы ещё заглянуть, но погулять долго не удалось.То, что на юге считалось тёплой зимней одеждой, для московского марта с его колючим, промозглым ветром годилось мало: Нина быстро продрогла в своём южном пальто и лёгких полусапожках. Пришлось спуститься в метро, чтобы доехать до Риты. Оказавшись внизу, она с интересом разглядывала величественные своды «Площади Революции», гладила на удачу бронзовые носы пограничных собак, а потом в вагоне, прислушиваясь к объявлениям диктора, на каждой остановке разглядывала названия станций на мраморных стенах.

Выйдя из метро на окраине и направившись в сторону Ритиного дома, Нина вдруг сбилась с шага — что-то слева словно притянуло её взгляд. Прямо у входа в подземку, на грязном утоптанном снегу, на подстилке из рваных картонных коробок стоял на коленях человек. Он сложил руки на груди в немой мольбе. Нина смотрела и смотрела на него, не в силах сдвинуться с места. Взгляд против воли впитывал каждую страшную подробность: обветренное лицо в тёмных пятнах и гнойных коростах, спутанные волосы, распухшие пальцы с чёрными от въевшейся грязи ногтями.

Она не могла ни отвести глаза, ни зажмуриться. В голове зазвенели, зарезвились странные, чужие голоса: «Это его будущее... Это его будущее... Не дадим ему развод, не дадим — вот его будущее...».

Сколько она так простояла — мгновение или вечность — Нина не знала. Наконец ей удалось сделать резкое движение, словно сбросить невидимое оцепенение, которое держало её голову.

Не помня себя, Нина почти бегом добралась до Ритиной квартиры, и по дороге вся цепочка странных событий вдруг сложилась в единый, ошеломляющий узор. И Валины карты, и внезапная щедрость рыжей Леры, оплатившей всю поездку, и офицеры с билетами у касс, и даже тот щедрый попутчик с хрусталём, благодаря которому две непутёвые южанки приехали в Москву не с пустыми руками, — всё это было не случайностью. Видимо, Гена в отчаянии так сильно молил небо о помощи, что сама Вселенная подхватила Нину, выдала ей денег на дорогу и привезла сюда. Но думала Нина сейчас вовсе не о жалости к бывшему мужу — она думала только о себе. Её пронзила другая, куда более глубокая и откровенно эгоистичная мысль: высшие силы специально привезли её сюда, открыли перед ней полную картину настоящего и показали, чем обернётся её упрямство, но оставили право выбора за ней. И вдруг стало невыносимо тяжело от осознания, что своим отказом она вешает на себя непосильную ношу — берётся решать чужую судьбу, а потом самой же и расплачиваться за это.

Нина поняла, что не хочет быть ни его заложницей, ни его судьёй. В глубине души сработал древний, безошибочный закон самосохранения: не делай другому того, чего не хочешь, чтобы случилось с тобой. Дать ему развод — значит просто разжать пальцы, стряхнуть с себя чужую ответственность и вернуть человеку законное право самому распоряжаться своей жизнью.

И странное дело — тяжесть, которая давила на плечи со вчерашнего звонка мужа, в ту же секунду испарилась.

Не раздеваясь, Нина опустилась на табурет в прихожей и дрожащими пальцами набрала на диске телефона номер Гены: — Гена, я даю тебе развод. Когда пойдём к твоему нотариусу оформлять бумаги? Завтра в одиннадцать? Хорошо, я приеду.

На следующий день Нина шла по весенней Москве, сжимая в сумке две нотариальные бумаги: его официальное согласие на развод и доверенность на получение с его сберкнижки всего, что там есть (сумма была эквивалентна тысяче долларов) — эти деньги предназначались на все расходы по оформлению развода, и снять их в местной валюте ей предстояло уже дома, по приезде.

Сначала она не могла понять, что изменилось вокруг, но вдруг с абсолютной ясностью почувствовала: «Москва закрылась». Город, который ещё вчера ласково кружился вокруг неё, вдруг стал чужим, глухим и холодным. Всё, ради чего высшие силы привели её сюда, свершилось.

Вернувшись к Рите, Нина быстро собрала вещи и засобиралась в аэропорт. Подруга всплеснула руками: — Ты хоть сумку оставь, зачем с ней по всему городу таскаться? Ещё неизвестно, на какое число билет возьмёшь! — Милая моя Рита, я сегодня же улечу. Понимаешь, Москва закрылась — меня здесь больше не должно быть. На дорогу домой деньги у Нины были: она человек не бедный, но планов тратить свои средства на эту странную поездку в Москву у

неё не было, да и Лера перед расставанием щедро отсыпала ей на жизнь в дорогой столице, а пробыла Нина здесь всего несколько дней — так что на самолёт хватало с запасом.

В эропорту у касс гудели длинные очереди, и почти на все направления пассажирам сухо отвечали: «Билетов нет». Но стоило Нине подойти к окошку, как кассирша подняла на неё глаза и спокойно сказала: — Подойдите минут через пятнадцать. Сейчас снимут бронь, и я выпишу вам билет на ближайший рейс. Через пару часов Нина уже сидела у иллюминатора, глядя, как далеко внизу остаётся заснеженная Москва.

Глава 3

Посиделки у Вали. Фарт пошёл

На застеклённой лоджии у Вали стоял тёплый летний вечер. За окном в густых сумерках стрекотали сверчки. Нина, не появлявшаяся здесь больше двух месяцев — с самой той поездки в столицу, — только что закончила рассказ о приключениях в плацкарте с хрустальными вазами . Но девчонки не унимались — им хотелось знать всё: — Ну ладно, с вазами понятно, — подливая всем горячего чая, сказала Валя. — А дальше-то что было? К кому вы ездили? И почему ты после Москвы на два месяца как в воду канула? Нина хитро улыбнулась, подвинула к себе тарелку с печеньем и оглядела любопытные лица подруг: — Ой, девочки, там такое началось, что за один вечер не расскажешь. Но если совсем коротко — съездила я не зря. В Москве встретилась с Геной и привезла от него две нотариальные бумаги: официальное согласие на развод и доверенность на закрытие его сберкнижки.

— Ничего себе! — ахнули на лоджии. — Так ты всё-таки решила разводиться?! — Решила. И вот слушайте, как я эти деньги в сберкассе получала — такое нарочно не придумаешь! Прилетела я из Москвы ночью. Дочку от мамы забирать не стала — поздно уже, да и весенние каникулы в самом разгаре. Встала под душ, а спать не хочется: в самолёте немного вздремнула, да и сам этот развод казался мне чем-то запредельным. Я же толком даже не знала, где суд находится и какие справки туда нужно собирать! Разложила на столе бумаги и решила: начинать надо с денег, чтобы было на что пошлины платить. — Ну да, в сберкассах сейчас пусто, наличности днём с огнём не сыщешь, — вздохнула Валя, пододвигая подруге вазочку с вареньем. — Наверное, весь год теперь будешь по крохам вынимать? — Я тоже так думала! — хитро прищурилась Нина. — Открыла сберкнижку, смотрю — на последней странице уже свежий банковский штамп стоит: вклад прошёл недавнюю денежную реформу, когда государство одним росчерком лишние нули отсекло. Остаток на счёте всё равно внушительный — по нашим голодным временам целое состояние. Прикинула я в голове план, легла поспать часика три, а утром пошла в сберкассу чуть раньше открытия, чтобы стариков в очереди за пенсией не обгонять и в духоте не томиться. — И что, дали? — хором спросили девчонки.

— Слушайте дальше! Едва двери отворились, я первой к окошку подхожу. Кассирша — молодая, невыспавшаяся девица с каменным лицом — берёт мой паспорт, разворачивает доверенность, раскрывает сберкнижку и, даже толком не вглядевшись в записи, размашистым росчерком шариковой ручки перечёркивает каждый лист на развороте! Я даже мяукнуть не успела, как она берёт книжку двумя руками — и хрясь! Рвёт её пополам ровно по центру! На лоджии ахнули. — Да ты что?! — всплеснула руками одна из подруг. — Испортила документ?! — У меня в горле пересохло, голос вообще пропал! — продолжала Нина, входя в раж. — А она спокойно так открывает кассу и кладёт в лоток жалкую горстку бумажных купюр — ровно в тысячу раз меньше того, что на счёте лежало. И говорит: «Возьмите. Следующий!» Тут ко мне голос вернулся, я не своим голосом спрашиваю: «Погодите, девушка, вы что сейчас сделали?!» А она устало так: «Провела обмен на новые деньги», — и тянется за папкой с инструкцией. Тут уж я не выдержала, взвизгнула на всю кассу: «Да вы посмотрите получше! Эта книжка уже прошла эту вашу процедуру!» — Ой, мама дорогая... И что она? — затаили дыхание девчонки. — Глянула она на меня, потом уткнулась в этот разорванный, исчерканный документ и прямо на глазах побледнела как мел! Видно, сообразила, что за порчу строгой банковской отчётности её по головке не погладят — это же акты составлять, объяснительные писать, нагоняй от начальства получать. Молча поднялась со стула и ушла в соседнюю комнату. Через пару минут возвращается, суёт мне в окошко бланк расходного ордера: «Подпишите здесь и здесь, закры-

тие счёта оформляем». Пока я дрожащей рукой расписывалась, она начала молча выкладывать передо мной тугие пачки купюр, перетянутые банковскими лентами! Лоджия взорвалась смехом.

— Всю кассу тебе выгребла?! — До копейки! А я-то к такому повороту не готова — шла с маленькой сумочкой, думала, унесу дневную норму в кошельке, а тут целая бумажная гора. Хорошо, у меня, как у всякой запасливой хозяйки, на дне сумки лежал сложенный дефицитный целлофановый пакет с группой ABBA, где на переднем плане красовался их гитарист с гитарой наперевес. Я эти пачки туда аккуратно уложила, сверху сумочкой прикрыла, чтобы в глаза не бросалось, и пошла на выход — вместо солидного кожаного дипломата с раздувшимся целлофановым пакетом! Прохожу вдоль сидящих на скамейке стариков, ждущих своей очереди, а самой так неловко стало: поняла, что скорее всего оставила их без пенсии на сегодня.

— Не страшно было одной с такими деньжищами по улице идти? — спросила Валя. — На улице я держалась с каменным лицом, спину прямо, поймала такси и доехала до дома. Зато стоило дверь запереть — вся выдержка испарилась! Носилась по комнатам, хваталась то за одно, то за другое и твердила вслух как заклинание: «Фарт пошёл, фарт пошёл!» Потом заварила крепкий кофе, забралась с ногами на диван, смотрела в окно на зелёные ветки и чувствовала: мир сам передо мной дорогу расчищает. Останавливаться нельзя — допила кофе, схватила папку с бумагами и поехала в суд.

— Ой, ну хорош завирать! «Мир ей дорогу расчищает»! — не выдержала одна из подруг. Лоджия тут же взорвалась общим смехом, и напряжение как рукой сняло. Нина глянула на часы и всплеснула руками: — Ой, девочки, да поздно-то уже как! Всё остальное через неделю доскажу — всем же утром на работу, а мне ещё на метро двадцать минут ехать. Девчонки тоже засуетились и засобирались по домам — и правда засиделись, да и хозяйка уже устала.

Глава 4

Посиделки у Вали. Мистика развода

Прошла неделя. На застеклённой лоджии у Вали снова собралась вся компания — вечер выдался по-летнему душным, окна распахнули настежь, и в комнату тянуло сладковатым запахом ночного города и тёплой пыли. Валя разливала по чашкам свежий чай, а девчонки с нетерпением поглядывали на Нину: в прошлый раз она так и не договорила, остановившись на самом интересном месте — на том, как приехала домой с полным целлофановым пакетом купюр.

— Ну, Нина, не томи! — не выдержала одна из подруг, пододвигая к себе вазочку с вареньем.

— Деньги ты из кассы вынесла, фарт пошёл, а дальше-то что? Как в суде всё прошло? — И главное — как недруги Гены на это отреагировали? — тихо добавила Валя, накрывая заварник расшитым полотенцем.

— Ты же так боялась, что развода они тебе не простят.

Нина отпила горячего чая, задумчиво посмотрела в тёмное окно и усмехнулась: — Ой, девочки, если бы мне кто-то заранее сказал, как всё обернётся, я бы в жизни не поверила. Взяла я тогда деньги, папку с бумагами и поехала в районный суд.

Приехала она к одиннадцати. В душном коридоре гудел настоящий муравейник — люди сновали туда-сюда, кто-то ругался в очереди, кто-то листал растрёпанные тетрадки на подоконниках. Изучив выцветшее расписание на стенде, Нина поняла две вещи: её судья принимает только после обеда, а до этого нужно успеть объехать несколько инстанций, чтобы собрать недостающие справки.

И тут она наблюдала ту самую волну невесомой удачи, что началась ещё в сберкассе. Фарт работал безотказно. В каждой конторе, куда она заходила, нужные люди словно ждали именно её — все сидели на местах, никто не ушёл на перерыв, не заболел и не придирался к запятым. Бумажки ложились в папку одна за другой за считанные минуты. Нина только диву давалась: в обычное время каждая такая справка выбивалась буквально с боем, через нервы и многочасовые очереди, а тут двери распахивались сами собой.

Окрылённая, ровно к концу обеденного перерыва она вернулась в суд — и замерла на пороге. От утренней толпы не осталось и следа. Коридор был пуст и гулок, а кабинет её судьи оказался закрыт.

Нина растерянно огляделась, поймала в конце коридора пробегающую мимо секретаршу с кипой папок и услышала приговор:

— А она в отпуске со вчерашнего дня. Приходите через месяц.

Нина осталась стоять посреди пустого коридора, чувствуя, как внутри всё холодеет. В голове не укладывалось: как так? У неё сегодня идёт такой бешеный фарт, всё складывается одно к одному — и вдруг судья в отпуске?! Нет, такого просто не может быть.

В тишине коридора вдруг отчётливо застучала пишущая машинка. Звук доносился из-за соседней массивной двери. Нина подошла, коротко постучала и, не дожидаясь ответа, приоткрыла створку:

— Извините, а вы судья? Из глубины кабинета, не отрываясь от бумаг, раздался сухой, властный женский голос:

— Да. Закройте дверь!

Нина послушно прикрыла дверь, но отходить не стала. Внутри неё вспыхнуло настоящее пламя — упрямое, горячее, не терпящее возражений. Фарт же! Разве можно отступать в шаге

от цели? Она принялась мерить шагами пустой коридор от стены до двери, шепча про себя как заклинание, вкладывая в каждое слово всю свою волю:

— Ты меня сейчас примешь и сделаешь, как мне надо… Ты меня сейчас примешь и сделаешь, как мне надо…

Сделав пару кругов, она снова приоткрывала дверь.

— Закройте дверь! — раздражённо бросали из-за стола. Она закрывала, делала ещё три круга с тем же упрямым шёпотом и снова тянула ручку на себя. Когда дверь приоткрылась в четвёртый или пятый раз, стук машинки оборвался. Властный голос заметно сбавил обороты и с обречённым вздохом произнёс:

— Ну, войдите уже. Что вы хотите? Нина шагнула в кабинет, подошла прямо к столу, выложила перед судьёй приготовленные купюры и чётко, глядя прямо в глаза, сказала:

— Мне нужен развод. И быстро. Судья медленно подняла взгляд от денег на Нину, оценивающе прищурилась:

— А почему вы обратились ко мне?

— Потому что моя судья в отпуске.

— Покажите документы.

Нина протянула папку. Судья бегло пролистала свежие, ещё пахнущие чернилами справки, на секунду задержалась на свидетельстве о рождении и покачала головой:

— Вы знаете, так как у вас есть ребёнок, по закону раньше чем через два месяца я развести вас не смогу. При всём желании.

— Хорошо, — спокойно кивнула Нина, чувствуя, что главная задача решена.

— Два месяца так два месяца.

На лоджии повисла тишина, нарушаемая только тихим стрекотом сверчков за окном. Нина поставила пустую чашку на блюдце и обвела подруг хитрым взглядом: — Конечно, для всех вокруг — и для знакомых, и для лишних ушей — я потом говорила, что все эти два месяца бегала, собирала справки и с трудом пробивала этот развод. А на самом-то деле вопрос решился за пять минут при пустом коридоре.

— Погоди, а дальше-то что было?! — ахнула Валя, подаваясь вперёд. Два месяца — срок немалый! А те люди, которых ты так боялась? Нина только рукой махнула и с лёгкой, упрямой улыбкой вскинула подбородок:

— А ничего, девочки, не происходило. Вообще ничего. Как отрезало. Когда срок подошёл, я забрала решение, отправила документы заказной почтой в Москву — и никто ничего не знает. Остались мы с дочкой одни. Но ничего, пробьёмся!

Эпилог

После того вечера Нина продолжала приходить к Вале на лоджию, пила чай и слушала истории подруг.

А потом до неё через людей стали доходить слухи. Оказалось, что все те Генины недруги, от которых он когда-то бежал в столицу, куда-то сгинули. Кто-то вскоре умер, кого-то посадили, кто-то сам пустился в бега. Ни один человек за всё это время так и не пришёл к ней с претензиями за то, что она посмела развестись. Словно невидимая рука расчистила перед ней дорогу.

Но главную суть этого урока она постигнет гораздо позже. Пройдут годы, и судьба занесёт её с дочкой далеко за пределы родной южной республики — в чужой, холодный край, без прописки, без прав и без всякой опоры. Только тогда, на собственной шкуре испытав, каково это — быть человеком без заветного штампа в паспорте, обивать пороги и зависеть от чужой милости, она вспомнит ту историю с московскими документами и всё поймёт.

И когда ей всё-таки удастся зацепиться за новую жизнь, оформить бумаги и получить право остаться, Нина будет точно знать: это судьба вернула ей старый долг — за то, что когда-то она не стала ломать чужую жизнь из мести, а просто отпустила человека с миром, оставив ему право на свой путь.

Глава 5

Иди спи

Лето незаметно отгорело, и в город вступила ранняя, тёплая осень. По вечерам с гор уже тянуло сухой прохладой, в палисадниках под окнами шуршали первые жёлтые листья, а застеклённая лоджия у Вали, как всегда, оставалась самым уютным местом во всём доме. За окном в густых сумерках зажигались жёлтые квадраты окон девятиэтажек, где-то вдалеке глухо шумел вечерний проспект, а на маленьком столике снова дымился заварник и поблёскивали блюдца с вареньем. Сегодня были пирожки с картошкой — сами напекли.

Нина, наконец-то закрывшая все свои бумажные дела с разводом , уже несколько недель подряд была в центре внимания, рассказывая подругам свои мистические истории. А сегодня одна из девчонок перевела взгляд на притихшую у окна Жанну и заговорщически подмигнула Нине:

— Ну, твои приключения, Нин, мы уже вдоль и поперёк обсудили. А вот ты ж не знаешь, сколько мы тут Жанну лечили, пока ты своими делами занималась! Её паршивец-муж такого натворил — нарочно не придумаешь. Жанна смущённо дёрнула плечом, но промолчала, глядя в тёмное стекло.

— Представляешь, — продолжала подруга, подливая Нине горячего чаю, — он ведь недавно из Греции видеокамеру привёз. Ну, как ребёнок с новой игрушкой носился, всё подряд снимал. А тут уехал в командировку. Жанка решила дома генеральную уборку затеять. Залезла на стул — то ли пыль наверху протереть, то ли искала что-то, стала шурудить между коробками и пакетами на самом верху шкафа, и оттуда ей прямо в руки выпадает кассета от этой камеры. А на наклейке его рукой выведено: «Домашний сексик». Жанка ещё про себя ухмыльнулась: ишь ты, когда это он нас заснял, а мне даже не показал!

На лоджии кто-то тихо фыркнул, а Валя покачала головой: — Вот урод, даже спрятать нормально не додумался. Я ведь Жанну давно предупреждала, что муженёк её погуливает. Но она ж у нас мудрая была, всё отмахивалась: мол, все мужики гуляют, надо поводок подлиннее отпускать, чтобы не сорвался, а в дом всё равно вернётся. Пока за руку не поймала — не верила.

— Так вот слушай, Нин, дальше! — подхватила рассказчица. — У них-то видик у одних из первых появился, из тех, на которых заграничные фильмы в видеосалонах крутили. А эта камера из Греции была совсем нового фасона, заморская диковинка — в неё вставлялась маленькая кассетка, меньше ладошки. Чтобы посмотреть её на обычном видеомагнитофоне, нужно было вставить малютку в специальную пустую большую кассету, как в футляр. Камерой Жанка пользоваться так себе умеет. На кнопочку нажать да поснимать — это пожалуйста, а как кассету туда вставить или на видик перекинуть — тёмный лес. Но любопытство раздирает: интересно же на себя со стороны глянуть! Пошла она к соседу, попросила помочь запустить запись через видеомагнитофон. Мужик, как первые кадры увидел, сразу понял, куда вляпался — побледнел, забормотал что-то и пулей из квартиры выскочил. А Жанка осталась одна перед экраном...

Она-то шла смотреть на себя со стороны, а на экране оказалась её собственная спальня. Их супружеская кровать. И её Сашка с девицей. Они лениво миловались, болтали, и любовница, оглядывая уютную комнату, с искренней завистью вздыхала:

— Надо же, как ты дома всё хорошо устроил... Какая у тебя жена счастливая, наверное...

Жанна смотрела на это, не в силах отвести глаз. Кассета дошла до конца, зашуршала плёнка — она молча перемотала её на начало и включила снова.

Тут подошло время забирать младшего из садика, а старшего встречать со школы. На автомате, словно в густом тумане, она сходила за детьми, накормила ужином, проверила тетрадки, уложила спать. В доме стихло. За окном стояла густая, безветренная южная ночь, лишь изредка во дворе вскрикивала чья-то машина. Как только за детьми закрылась дверь, Жанна вернулась в зал и снова нажала на кнопку. Кассета заканчивалась — она ставила её заново. Снова и снова, как заворожённая, пытаясь разглядеть в этих кадрах ответ на один-единственный вопрос: за что?

В полночь зазвонил телефон. Это была Валя — позвонила просто так, поболтать перед сном. — Жанн, ты чего не спишь? Что делаешь? — Фильм смотрю... — ответила Жанна. Голос у неё был тихий, ровный, совершенно чужой.

Валя на том конце провода на секунду насторожилась — слишком уж странно прозвучали эти слова, — но расспрашивать не стала: мало ли, устала, кино смотрит. Пожелала спокойной ночи и положила трубку.

А для Жанны эта ночь превратилась в бесконечный кошмар. Не выключая телевизор, она встала и поняла, что не может ни сесть, ни лечь. Внутри всё горело и рвалось наружу. Она начала метаться из комнаты в комнату — быстрым, дёрганым шагом, из угла в угол, задыхаясь от боли и унижения.

Жили они на третьем этаже девятиэтажки. Окна спальни и зала выходили на задний двор — там стояли кованые решётки, и маленький балкончик тоже был забран фигурной решёткой, выгнутой наружу, на которой Жанна летом с такой любовью развешивала кашпо с цветами. В полубреду, на пике отчаяния, она металась по трём комнатам, глядя на эти прутья, и даже не соображала в своём помрачении, что на другой стороне квартиры, на лоджио, решёток на окнах нет...

Она очнулась в долю секунды — отчётливо, словно кто-то чужой и сильный встал рядом в тёмном коридоре и строго приказал прямо в голову: — Иди спи! Жанна замерла посреди комнаты. Наваждение мгновенно схлынуло. Словно послушный робот, она развернулась, дошла до кровати, легла поверх покрывала и провалилась в тяжёлый, беспробудный сон.

Утром она поднялась по будильнику — всё так же на автопилоте. Собрала детей, отвела в садик и в школу. Лицо её оставалось каменным, она не всхлипывала, не кричала, но из глаз безостановочно текли слёзы. Она вытирала их платком, а они катились снова и снова, словно жили своей отдельной жизнью.

В таком виде она приехала на работу. Ходила по кабинету, перекладывала бумаги, отвечала на звонки — и плакала. Одна из сотрудниц, женщина постарше, долго наблюдала за ней, потом тихо прикрыла дверь, усадила её на стул и спросила:

— Что случилось, Жанночка? На тебе лица нет. — Да нормально всё... — попыталась отмахнуться Жанна, но голос сорвался.

Ей было до жути стыдно, что сейчас на работе все узнают про её позор, но держать это в себе больше не было сил. Давясь слезами, она всё рассказала — и про кассету, и про жуткую ночь.

Коллега выслушала молча, не перебивая, а потом твёрдо сказала: — Так. Слушай меня внимательно. Вторую ночь с этой кассетой ты не переживёшь. Езжай домой прямо сейчас, забирай эту дрянь, собирай его вещи и отвози к его матери. Пусть лучше будет громкий скандал, пусть вся эта тоска из тебя криком выйдет, чем ты сама себя сожрёшь. Я сейчас договорюсь — тебе дадут служебную машину, отвезут туда-обратно.

Пока ждали машину, коллега присела рядом, налила ей воды и вдруг тихо заговорила: — Ты думаешь, я тебя не понимаю? Я ведь сама через такое прошла, только с другой стороны. В школе влюбилась в мальчишку — первая любовь, голова кругом. Встречались, а потом он уехал. Я институт окончила, встретила своего Женю, замуж вышла, дочку родила. Жили тихо, спокойно. И вдруг объявляется эта моя школьная любовь. Приехал ненадолго, сам уже в Аме-

рике живёт, и давай меня с собой звать... Женщина горько усмехнулась, глядя в окно: — И ведь помутилось у меня в голове, Жанна. Загуляла я с ним. Домой под утро пьяная приходила, меня в ванной рвёт, а муж мой, Женя, молча меня отмывает, спать укладывает. А я просплюсь — и на следующий день опять к тому бегу. Две недели так продолжалось, пока у того сроки не вышли и он в свою Америку не улетел. Знаешь, почему я так себя вела? Сама решиться уйти от мужа и дочку бросить я не могла — духу не хватало. Всё ждала, что Женя не выдержит, взбесится и сам меня из дома выгонит. А он не выгнал. Вытерпел. Коллега положила тёплую ладонь на холодную руку Жанны: — Ты вот так сейчас убиваешься и с ума сходишь только потому, что у тебя самой «хвостик чистый». Ты с высоты своей чистоты смотришь и думаешь: «Как он посмел?!» А жизнь, девочка, она намного сложнее и грязнее, чем нам хочется...

На лоджии у Вали надолго повисла тишина. За окном совсем стемнело, только ветер тихо шуршал сухой листвой во дворе. Нина сидела потрясённая, глядя на Жанну, которая, несмотря на пережитое, теперь сидела среди подруг живая, спокойная и отогретая их участием.

— И ведь отвезла она тогда вещи к свекрови! — с гордостью в голосе нарушила тишину Валя, наливая всем свежего, горячего чая. — Всё ей рассказала, и они вдвоём эту кассету прямо там молотком разбили! И скандал закатила такой, что стены дрожали!

Мы потом с девчонками её целую неделю отпаивали, пока в себя не пришла. Но главное — жива осталась. А Сашка сейчас у мамочки своей живёт, к детям ходит с цветами и тортом.

Жанна впервые за весь вечер слабо улыбнулась, пожала плечами и тихо добавила: — Зато теперь я эту заморскую камеру с закрытыми глазами разбираю. И как переходник заряжать, и куда какую кассету вставлять — вмиг научилась! Девчонки на лоджии не выдержали и прыснули со смеху, а Нина перевела взгляд на Жанну, слегка улыбнулась и тихо, с какой-то по-женски тёплой хитринкой сказала: — Рукастый мужик твой муженёк-то, Жанна. Может, просто поводок покороче надо и кормить вкуснее? Любит он тебя — не надо долго его далеко от себя держать, а?

Глава 6

Любви достойны блондинки

В южной республике шёл февраль — один из тех первых, ещё непривычных годов после распада СССР, когда старая жизнь уже закончилась, а новая только нащупывала свои очертания. Весна здесь уже витала в воздухе, хотя по вечерам всё ещё приходилось кутаться в пальто и шапки. Первыми перемену чувствовали коты — с наступлением сумерек под окнами начинались их заунывные серенады.

Валя жила на четвёртом этаже, но подъездная дверь в доме всегда стояла нараспашку, поэтому её домашняя любимица гуляла сама по себе: стоило кому-то выйти или зайти, как кошка шмыгала на лестницу. В тот вечер первой на посиделки пришла Оля. Она позвонила в дверь, ей открыли, и вместе с ней в квартиру деловито просочился солидный уличный кавалер. Пока Оля в прихожей присела на пуфик, расстёгивая молнии на модных длинных сапогах, снимала пальто, шапку и поправляла перед зеркалом причёску, гость не терял времени даром. Первым делом он направился на кухню, подчистую вымел всё из кошачьей миски, сыто облизнулся и тут же вернулся к входной двери, всем своим видом показывая: открывайте, я ухожу.

Оля только потянулась к замку, чтобы выпустить нахального визитёра, как из комнаты с грозным шипением вылетела разъярённая фурия. Валина кошка с ходу принялась отчаянно лупить кавалера лапами по морде за такое вопиющее пренебрежение. Кот даже не пытался защищаться: он прижался спиной к двери, встал на задние лапы, передние поднял вверх, словно сдаваясь, и молча сносил праведный женский гнев. Оля еле сдержала смех и всё-таки повернула замок — кот пулей вылетел на лестничную клетку, так и не поухаживав за дамой.

Когда все девчонки собрались на застеклённой, утеплённой старыми коврами лоджии, в комнате ещё долго стоял хохот — Оля в лицах показывала, как кот прижимался к двери и прикрывал морду лапами. — Вот же наглец! — смеялась Валя. — Пришёл, пожрал за чужой счёт и бежать! Никакой совести у мужиков, даже у кошачьих! — А она-то, хозяйка! — подхватила Нина. — Сразу по мордам, без разговоров! Вот что значит характер: не оправдал надежд — получай. — Ой, девочки, — вздохнула, отсмеявшись, притихшая у окна Марина. — Вот вы смеётесь, как они друг друга выбирают, а я ведь всё думаю над вашими историями. Я слушала вас, и мне казалось, у меня в жизни всё гладко и обычно, никаких таких совпадений не было. Перебирала разные случаи, искала — и вроде ничего особенного. А на днях вдруг поняла: было кое-что. Как раз про то, кто и кого выбирает. Девчонки притихли, устраиваясь поудобнее, а Марина продолжила: — Встретила я недавно свою давнюю подругу Соню. Она после института уехала по распределению, да так там и осталась, замуж вышла. А тут приехала к родителям, мы с ней встретились, разговорились про нашу юность, и она вдруг спрашивает: «А ты помнишь, что ты со своими волосами учудила?» Я даже не поняла сразу, о чём она. «Да ты же их перекисью намазала, — смеётся, — без всякой краски, и сожгла. И они вместо светло-каштановых стали жёлто-соломенными».

Мы посидели, поболтали, простились, а у меня это воспоминание из головы не идёт. Дома ведь правда стояла перекись — бабуля ею седину осветляла. И главное, приспичило мне обесцветиться именно в тот день, ни с того ни с сего. Помню, зашла потом в ванную, глянула на себя в зеркало и сама себя испугалась — совсем чужое лицо. А на следующий день на вечеринке мы познакомились с моим будущим мужем. Потом я привыкла, мне даже понравилось, и ещё несколько лет я так и ходила.

Мы поженились, родился первенец. И тут я краситься перестала: то времени не хватало, то знакомые всё чаще говорили, что с родным цветом мне лучше — лицо белее, глаза ярче, а

блонд меня только гасит. И вот тогда муж мне вдруг выдал: «Ты меня обманула. Я-то думал, ты блондинка». Я удивилась: мол, неужели тебе мой родной цвет не нравится? Он пожал плечами: «Ну, и так сойдёт».

А дальше — больше. Вспомнился мне один вечер на кухне в первый год нашего брака. Все уже спали, мы сидели со свекровью вдвоём. Она уютно так устроилась, облокотилась на стол и спрашивает: «А какие мужчины тебе нравятся?» Я растерялась даже — сижу с матерью мужа, как тут рассуждать про других мужчин? Ответила осторожно: «Мужчины мне нравятся». Она моего смущения и не заметила, ей самой выговориться хотелось. Вздохнула, посмотрела на луну в окне и говорит с таким томлением: «А мне нравятся блондины с голубыми глазами». У меня это в голове не укладывалось: у её мужа чёрные волосы и чёрные глаза, у сына — моего мужа — чёрные волосы и глаза, у дочки — всё то же самое. И только мы с ней вдвоём — голубоглазые блондинки, пусть я и жёлтая была.

Тогда у меня голова другим была забита — преддипломный год, малыш на руках, я эти вещи никак не связала. А сейчас слушаю вас и думаю: ведь чтобы пройти отбор у мужа и его мамы, я должна была быть блондинкой. И за день до нашей встречи впервые в жизни зачем-то схватилась за эту перекись.

Марина замолчала. На лоджии повисла тишина — только где-то внизу, под окнами, снова затянул свою февральскую песню изгнанный кавалер. — Ничего себе «ничего особенного»! — первой очнулась Нина. — Да тебя же буквально за руку к этой бутылочке подвели! Не намажься ты тогда — прошёл бы твой будущий муж мимо и не обернулся. — И свекровь бы забраковала, — усмехнулась Оля. — У них там целый семейный заговор под девизом: «Любви достойны только блондинки с голубыми глазами»! А ты в зеркале тогда не себя испугалась, Мариш, ты свою новую судьбу увидела — непривычную, чужую ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.